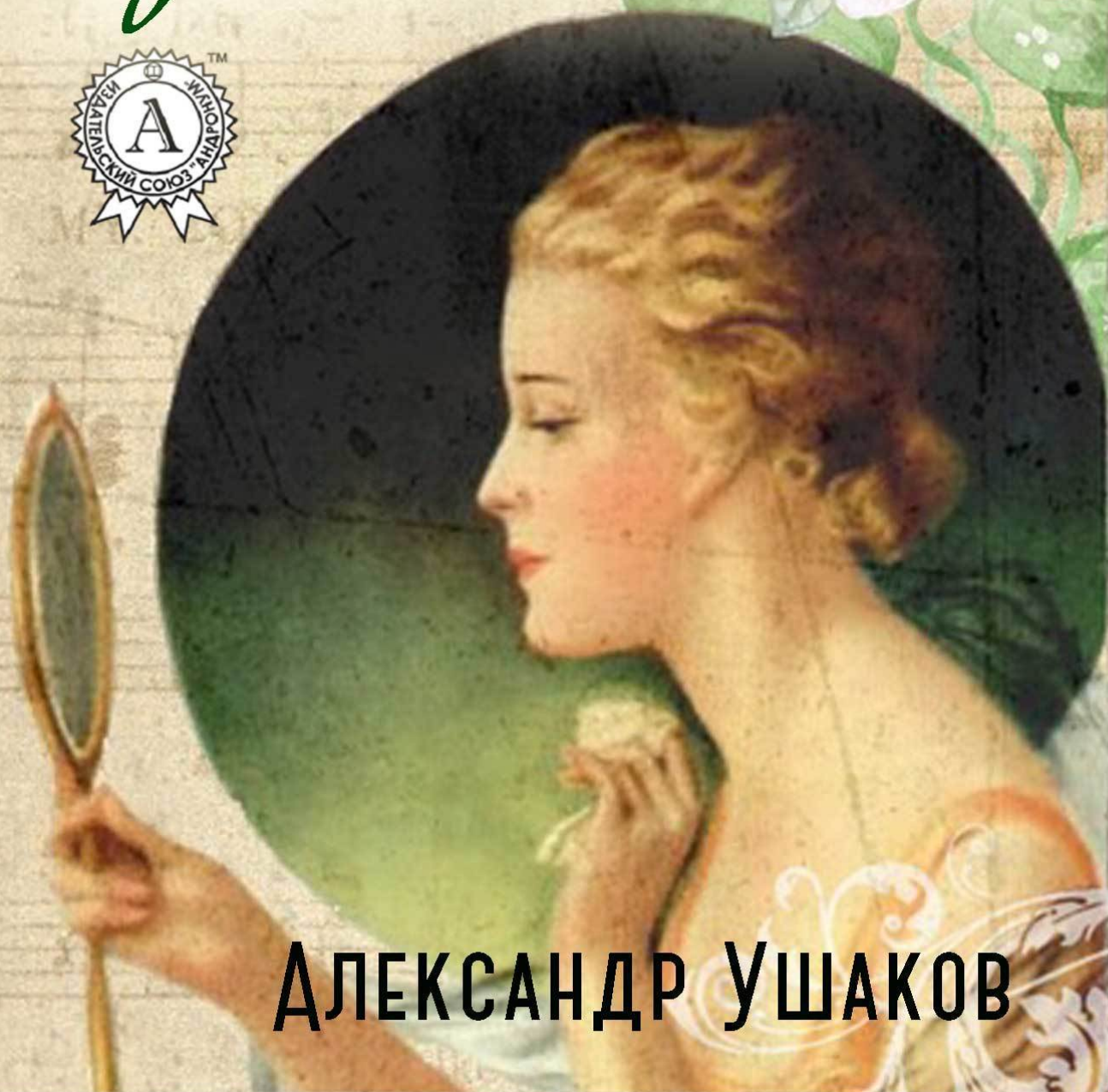

Женщины, которые вдохновляли

АЛЕКСАНДР УШАКОВ

Александр Ушаков

Женщины, которые вдохновляли

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ушаков А.

Женщины, которые вдохновляли / А. Ушаков —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-788211-3

Древние греки мудро предположили, что покровителями науки и искусств непременно должны быть музы–женщины. Уже тогда они заметили, что любовь и страсть – самые могущественные из человеческих чувств: охваченный ими мужчина открывает в себе бесстрашие, невиданную силу воли, воображение и дремавшие доселе творческие начала. Даже будучи направленной на иные, созидательные цели, эта энергия сохраняет свои божественные свойства и позволяет творцу покорять недостижимые ранее высоты. С другой стороны, мужской талант – вещь чрезвычайно хрупкая и уязвимая. Сколько художников, поэтов или писателей ушли с творческого пути после первой же неудачи? А сколько их осталось в неизвестности, в тени своих более талантливых собратьев? Возможно, причина именно в том, что на своем пути они не встретили женщину, которая наполнила бы их энергией творения, стала бы для них музой и позволила явить миру скрытые способности? Каждому из них в определенный момент встретилась та единственная, которая поверила в него, поддержала и полюбила, помогла преодолеть трудности и вдохновила на свершения. К Кто-то нашел свою музу в самом начале, другие только на третьей или четвертой попытке. Так или иначе, но можно проследить удивительные совпадения: после встречи с этими женщинами мастера создавали лучшие свои картины, писали лучшие книги и совершали фундаментальные научные открытия, а после расставания – буквально теряли источник энергии для творчества. О таких женщинах мы и расскажем в нашей книге.

ISBN 978-1-38-788211-3

© Ушаков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вместо предисловия. История двух шедевров	7
Сильней, чем смерть, или Сикстинская мадонна	10
Лопе де Вега: «Любить и сочинять стихи – это одно и то же»	19
Любвиобильный Гете	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Ушаков

Женщины, которые вдохновляли

*«К несчастью, а может, и к счастью, я смотрю на вещи через
призму любви...»*
Пабло Пикассо

Вместо предисловия. История двух шедевров

В мае 1810 года около небольшого трехэтажного домика в центре Вены остановилась коляска.

Из нее вышла стройная молодая женщина с красивым лицом и грустными глазами.

С минуту постояв у крыльца, она решительно открыла дверь и поднялась на третий этаж.

У входа в квартиру она остановилась, зачарованная доносившимися из нее звуками фортепьяно.

Женщина печально вздохнула.

Чудесная мелодия напомнила о счастливой молодости и о потерянном навсегда счастье и, конечно же, о том, кто так боготворил ее тогда и обессмертил ее имя.

Это была грустная встреча.

Женщина плакала и вспоминала о том прекрасном времени, когда стоявший перед ней мужчина был её учителем, а жизнь казалась удивительной сказкой, в которой она играла роль принцессы.

Покончив с прекрасным прошлым, женщина перешла к печальному настоящему и поведала мужчине о постигшей ее нищете, о трудностях, которые преследовали ее семью, и попросила помочь ей.

Мужчина слушал свою гостью с непроницаемым лицом, а когда она замолчала, он коротко кивнул и вышел в другую комнату.

Через несколько минут он снова появился в зале и протянул женщине пухлый конверт.

Женщина признательно взглянула в его глаза и хотела поблагодарить его.

Однако тот жестом остановил ее и попросил никогда больше не приходить к нему.

По лицу дамы пробежала тень, и она, сдерживая рыдания, выбежала из комнаты.

Хозяин квартиры подошел к окну и увидел, как его гостя села в карету, кучер хлестнул лошадь, и та медленно потащила карету по улице.

Когда карета исчезла из вида, он подошел к роялю и тяжело уселся на стул.

Он по-прежнему казался равнодушным и безразличным.

Но никто так и не узнал того, что творилось в его измученной душе при встрече с той, которая причинила ему столько страданий.

Он закрыл глаза и увидел свою гостью такой, какой она была десять лет назад – веселой семнадцатилетней красавицей.

Он встретил ее в 1800 году.

Это было тяжелое для него время. Именно тогда он начал глохнуть, и только одна мысль о том, что он не сможет слушать музыку, убивала его.

«Я влачу горькое существование, – писал он другу. – Я глух. При моём ремесле ничего не может быть ужаснее. О, если бы я избавился от этой болезни, я обнял бы весь мир».

Совершенно неожиданно для него, ужас от прогрессирующей глухоты сменило счастье встречи с юной итальянской аристократкой.

Через несколько недель он предложил юной графине брать у него бесплатные уроки игры на фортепиано.

Та с радостью согласилась, а взамен за столь щедрый подарок преподнесла своему учителю несколько вышитых ею рубашек.

Тогда ей не было и семнадцати, но жизнелюбие и очарование молодой девушки покорили тридцатилетнего мужчину, и он влюбился в нее пылко и страстно.

Он был уверен, что и в сердце его ученицы зародились такие же нежные чувства.

«Эта чудесная девушка, – писал он своему приятелю, – так сильно любима мною и любит меня, что я наблюдаю поразительную перемену в себе именно из-за неё».

Девушка была музыкально одаренной, но ей не хватало трудолюбия.

Когда она делала ошибки, лицо учителя темнело, он бросал на пол ноты и обещал прекратить заниматься с нею. Ученица обещала исправиться, и все начиналось сначала.

Но все это были по большому счету мелочи по сравнению с той радостью, какую ученица доставлял ученику.

На одном из уроков она, заметив, что у учителя не так повязан шёлковый бант, перевязала его и поцеловала музыканта в лоб. После чего он не снимал этот бант и не переодевался несколько недель, пока друзья не намекнули на не совсем свежий вид его костюма.

С каждым днем он любил ее все больше, и через шесть месяцев их знакомства в состоянии великой любви и надежды начал писать произведение, которое станет настоящей жемужиной в его творчестве.

Только дописывал он его в не менее великой обиде и тоске, поскольку его возлюбленная увлеклась восемнадцатилетним графом Галленбергом, который тоже занимался музыкой. А когда он сделал ей предложение, она только рассмеялась ему в лицо.

Музыкантом граф был никаким, однако его ученице он казался гениальным, чем наивная девушка не замедлила поделиться со своим учителем. Разгневанный и обиженный, он попросил графиню больше не приходить к нему.

Ученица так и сделала. Более того, она стала графиней Галленберг и вместе с мужем уехала в Италию.

Так закончилась его неразделенная любовь.

Остается только добавить, что женщину звали Джульеттой Гвичарди, а мужчину – Людвигом ван Бетховеном.

Да, она покорила сердце великого композитора, а затем жестоко разбила его. Но именно Джульетте мы обязаны появлением лучшей бетховенской сонаты.

После его смерти в ящике письменного стола нашли письмо «К бессмертной возлюбленной».

«Мой ангел, – писал великий музыкант, – моё всё, моё я. Отчего глубокая печаль там, где господствует необходимость? Разве наша любовь может устоять только ценою жертв путём отказа от полноты, разве ты не можешь переменить положение, при котором ты не всецело моя и я не всецело твой?

Грудь моя полна всем тем, что мне нужно сказать – ах, бывают мгновения, когда я чувствую, что язык бессилен – приободрись, оставайся моим верным, единственным сокровищем, всем для меня, как я для тебя... Я плачу при мысли, что ты не получишь от меня первого известия раньше воскресенья....

Что за жизнь! Без тебя! Так близко! Так далеко! Какая тоска!»

В том же ящике хранился небольшой портрет Джульетты, выполненный неизвестным мастером.

Пытаясь вычеркнуть из памяти возлюбленную, композитор стал ухаживать за другими женщинами. Увлечшись красавицей Жозефиной Брунsvик, он признался ей в любви, но в ответ получил вежливый отказ.

В отчаянии Бетховен сделал предложение старшей сестре Жозефины Терезе. Но та только покачала головой, придумав красивую сказку о невозможности встреч с композитором.

В результате на свет появился другой музыкальный шедевр Бетховена – фортепьянная пьеса-багатель «В альбом Элеоноры».

Но если верить немецкому музыковеду К. Копитцу, эта багатель была посвящена немецкой певице Елизавете Рёкель, которую близкие к ней люди называли Элеонорой.

Она была сестрой тенора, принимавшего участие в опере «Фиделио», которую Бетховен ставил в Вене в 1806 году.

Елизавета приехала в Вену в 1807 году и сразу оказалась в числе близких друзей Бетховена. Об отношениях певицы и композитора известно мало. Сохранились лишь воспоминания самой Елизаветы о том, как на каком-то обеде Бетховен в сильном волнении схватил ее за руку.

Судя по всему, дальше этого дело не пошло, и вскоре Елизавета вышла замуж. Ну а то, что она хранила прядь волос и одно из перьев Бетховена ничего не значит, поскольку эта могла быть память не о любимом мужчине, а о великом композиторе.

Все это, конечно, интересно для биографов композитора, но нас интересует больше все-таки не то, кому Бетховен посвящал свои великие творения, а то, что вдохновляли их на него женщины. Как это всегда происходило со всеми великими художниками, поэтами, писателями и композиторами.

Конечно, это вовсе не означает того, что без Джульетты Бетховен ничего не написал бы. Написал бы, но вот «Лунной сонаты», вполне возможно, не было бы.

В свое время Валерий Брюсов писал:

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

И он был трижды прав, поскольку многим великим людям искусства любовь дарила не только великое вдохновение, но и тяжелые испытания. Именно о такой любви мы и хотим рассказать в нашей книге...

Сильней, чем смерть, или Сикстинская мадонна

6 апреля 1520 года весь Рим был взволнован ужасной новостью.

Еще бы!

Умер величайший художник Возрождения Рафаэль.

Многие отказывались верить в смерть совсем еще молодого, всего-то тридцать шесть лет, художника, и, тем не менее, это было правдой.

Вся Италия погрузилась в траур.

Тело Рафаэля было выставлено в Пантеоне на катафалке, окруженном восковыми свечами.

Над головой покойного поместили последнюю незаконченную картину художника «Преображение».

Говорили, что голову Христа он написал накануне своей кончины, а сама картина стала художественным завещанием художника.

Рафаэль использовал библейский сюжет о том, как Христос повел апостолов Петра, Иакова и Ииакима на высокую гору, где преобразился перед ними, представ в светлом образе, в окружении божественного ореола.

После этого раздался голос Бога, который подтвердил апостолам, что Иисус его истинный и единственный сын.

Картина состоит из двух частей.

Вверху сам Христос и два ветхозаветных пророка, Моисей и Илия, которые беседовали с Иисусом «об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме».

Внизу изображены апостолы, пытающиеся исцелить бесноватого мальчика и осознающие свое бессилие.

Идея «Преображения» заключается в том, что исцеление, как физическое, так и духовное может принести только Христос, чье Божественное происхождение доказывается Преображением в сиянии надмирного света, представленным на картине.

Ныне последний шедевр Рафаэля составляет славу Ватиканской Пинакотекы.

Бесконечным потоком шли горожане поклониться праху великого художника и сказать последнее «спасибо».

Рафаэля похоронили в гробнице церкви делла Ротонда, где в древности был пантеон Агриппы.

Гробница великого художника устроена так, как пожелал он сам.

Над усыпальницей был построен канонический алтарь, до наших дней он сохранился в хорошем состоянии.

Ученик Рафаэля Лоренцетти изваял и поставил невероятно трогательную статую святой Девы Марии, прозванную «Мадонной дель Сассо».

Многие люди веками считали ее чудотворной.

Могила состоит из двух ниш, в одной покоится тело Мастера, а вторая предназначена для алтаря.

На мраморном саркофаге Рафаэля – надпись:

«Здесь тот знаменитый Рафаэль, пока он был жив, Природа боялась, что он ее покорит, когда он умирал, Природа боялась умереть вместе с ним».

Как ни велика была художественная слава Рафаэля, его оплакивали и как человека, особенно те, кто успел убедиться в его доброте и щедрости.

Как это всегда случается при смерти знаменитых людей, уход Рафаэля был окутан множеством слухов. И мы еще вернемся к ним.

Ну, а сначала давайте вспомним жизненный и творческий путь великого художника.

Рафаэль Санти родился 6 апреля 1483 года в семье придворного поэта и живописца урбинских герцогов Джованни Санти.

Первые уроки рисования мальчик получил от отца, но Джованни рано умер, когда Рафаэлю было одиннадцать лет.

Мать его умерла ещё раньше, и мальчик остался на попечении своих дядюшек Бартоломео и Симона Чиарла.

Ещё пять лет Рафаэль учился под присмотром нового придворного живописца герцогов урбинских Тимотео Вити, который передал ему все традиции умбрийской школы живописи.

В 1500 году юноша переехал в Перуджу и поступил на обучение к одному из самых знаменитых художников Высокого Возрождения Перуджино.

Ранний период творчества Рафаэля так и называется – «перуджинский».

В двадцать лет гений живописи написал знаменитую «Мадонну Конестабиле».

А между 1503 и 1504 годами по заказу семейства Альбиццини для церкви Сан-Франческо в небольшом городке Читта ди Кастелло художником был создан алтарный образ «Обручение Марии», который завершил ранний период его творчества.

Так миру явился великий Рафаэль, шедеврам которого весь мир поклоняется вот уже которое столетие.

В 1504 году молодой человек перебрался во Флоренцию, куда годом раньше переехала вся мастерская Перуджино.

Здесь он создал ряд восхитительных живописных полотен с «Мадоннами».

Под впечатлением этих шедевров в 1508 году папа римский Юлий II (правил в 1503–1513 годах) пригласил художника в Рим для росписи парадных апартаментов в старом Ватиканском дворце.

Так начался новый этап в жизни и творчестве Рафаэля – этап славы и всеобщего преклонения.

Это было время пап-меценатов, когда в мире ватиканской курии царили, с одной стороны, величайший разврат и глумление над всем честным и благонравным, а с другой – преклонение перед искусством.

Ватикан по сей день не смог полностью очиститься от злодеяний, совершённых папами-меценатами под прикрытием папской тиары.

А на вопрос, почему именно в эпоху вопиющей развращённости, в самом эпицентре разврата изобразительное искусство, архитектура и литература поднялись на недостижимые высоты и по сей день нет ответа.

После кончины развратного старика Юлия II папский трон занял ещё более развратный Лев X (правил в 1513–1521 годах).

Он прекрасно разбирался в искусстве и являлся одним из самых известных в истории покровителей поэтов, художников и артистов.

Особо благоволил папа к доставшемуся ему по наследству от предшественника Рафаэлю, который расписывал здания и дворцы и писал восхитительные картины.

Молодой художник намеревался вступить в брак с племянницей кардинала Биббены, Марией, однако невеста неожиданно умерла.

В то время в Вечном городе жил владелец множества поместий и хозяин огромного дворца Фарнезино в Риме Агостино Чиги.

Он пригласил Рафаэля расписать стены центральной галереи дворца Фарнезино.

Именно там художник создал свои великолепные фрески «Три грации» и «Галатея», а вот для третьей – «Амур и Психея» – он никак не мог найти натурщицу.

Однажды художник прогуливался по парку и любовался живописными пейзажами дворцового парка.

В тени деревьев он неожиданно заметил отдыхающую девушку.

Её ангельское личико было столь беспечным и чистым, что Рафаэль пришёл в смятение.

Говорят, что художник мгновенно забыл всех девиц, вниманием которых он никогда не был обделён.

Девушка затмила всех.

Очарованный её неземной красотой, Рафаэль воскликнул:

– Я нашёл свою Психею!

Живописец спросил девушку: кто она и откуда?

Та, смущаясь, ответила, что живёт неподалёку, а её отец – хлебопёк.

Девушке было семнадцать лет, и звали её Маргаритой Лути.

Рафаэль пригласил Маргариту к себе в мастерскую и попросил, чтобы она позировала ему для портрета.

Та ответила, что должна спросить разрешения у отца и жениха, деревенского пастуха.

Расставаясь, Рафаэль дал Маргарите золотое кольцо и попросил принять его в знак благодарности за чудесно проведённый день.

Девушка отказалась от подарка.

Тогда художник предложил ей маленькую сделку – десять поцелуев за дорогое кольцо. Сделка состоялась.

Окрылённый и счастливый Рафаэль едва дождался следующего утра и поспешил к хлебопёку.

Отец девушки, получив от художника несколько золотых монет, разрешил дочери позировать для картины.

Рафаэль писал Маргариту в мастерской.

Статный и красивый, с утончёнными чертами лица и тёмными, кудрявыми волосами, он не мог не понравиться пылкой девушке.

Художнику было уже за тридцать, им восхищались римские красавицы, знатные женщины становились его любовницами, но только «маленькая Форнарина», как прозвал девушку Рафаэль, заставила трепетать его сердце.

Вскоре Рафаэля перестали удовлетворять сеансы позирования.

Он стал ревновать Маргариту, не спал ночами, рисуя в воображении картины встреч девушки с её женихом – пастухом Томазо.

В конце концов, он не выдержал и, заплатив отцу Маргариты 3000 золотых, увёз возлюбленную в Рим.

Девушка стала любовницей Рафаэля и повелительницей его сердца.

Художник выполнял все её желания: покупал ей дорогие наряды и драгоценности, окружал роскошью и богатством, приставлял к ней многочисленных слуг, которые исполняли малейший каприз юной красавицы.

Как это ни печально для художника, никакой любви у Форнарины к нему не было, ее интересовали только деньги, и с каждым днём она требовала большего.

Она требовала не только новых богатств, но и хотела, чтобы Рафаэль ни на миг не отходил от неё и предавался любовным усладам только в её обществе.

Влюбленный художник покорно выполнял эти прихоти, буквально сгорая в объятиях ненасытной любовницы.

Настал час, и Агостино Чиги настоятельно попросил художника закончить заказанную работу в Фарнезино.

Войдя в положение Рафаэля, он обещал предоставить влюблённой паре особые апартаменты во дворце, где Маргарита могла бы скрываться от знакомых.

Узнав, что его невеста прячется во дворце, пастух Томазо послал ей угрожающее письмо.

Он проклинал Маргариту, осыпал её яростными упрёками и грозился отомстить. Опасаясь бывшего жениха, хитрая женщина рассказала Чиги об его угрозах.

Более того, она пообещала ему всё, что он пожелает, если он упрячет Томазо в монастырь.

В тот же вечер бедный пастух был схвачен, а прекрасная «Психея» предалась любовным утехам с обезумевшим от счастья Чиги.

Да что там Чиги!

Когда Рафаэль был занят работой, ненасытная Маргарита развлекалась с его учениками, которые съезжались к великому мастеру со всей Италии.

Это «невинное дитя с ангельским личиком» без зазрения совести кокетничала с каждым вновь прибывшим юношей и чуть ли не открыто предлагала им себя. А те и подумать не могли, что муза их учителя вполне доступна.

Когда юный художник из Болоньи Карло Тирабоччи сошёлся с Форнариной, это стало известно всем, кроме Рафаэля.

Тогда другой ученик мастера вызвал Карло на дуэль и убил его.

Форнарина не опечалилась и быстро нашла другого любовника.

Один из учеников Рафаэля выразился так:

– Если бы я нашёл её в своей постели, то прогнал бы, а потом перевернул матрас...

Однако сам Рафаэль закрывал глаза на многочисленные романы любимой, ставшей одной из самых известных куртизанок Рима.

Когда она приходила лишь под утро, он молчал, и только великие творения его кисти знали о том, какие муки терзали сердце их создателя.

Рафаэль так страдал, что по утрам не мог подняться с кровати.

Он обратился к врачам, и у него нашли сильное истощение организма.

Художнику сделали кровопускание, но мастеру от него стало только хуже.

Шесть лет продолжалась эта безумная любовь Рафаэля, а Форнарина оставалась его возлюбленной и натурщицей до самой смерти художника.

Начиная с 1514 года, Рафаэль создал из неё дюжину мадонн и столько же святых.

Так силой своей любви он обожествил обыкновенную куртизанку, которая его и погубила.

В 1514 году художник написал один из своих шедевров – портрет «Донна Велата» («Дама под покрывалом»).

Никто не знает имени женщины, написанной Рафаэлем, но возникшая в давние времена легенда утверждает, что на картине изображена прекрасная Форнарина.

По словам известного искусствоведа Вазари, из-за нее Рафаэль отказался от выгодного брака с патрицианкой.

Он был влюблен в эту простую женщину и всю жизнь вынужден был скрывать свои отношения с ней.

В поздних произведениях художника прослеживается стремление к драматизму и реалистичности.

Особое значение в творчестве Рафаэля имеет произведение «Мадонна в кресле», работая над которым была завершена примерно в 1516 году.

В 1515 году художник приступил к созданию полотна, которое принесло ему не меркнувшую в веках славу.

«Сикстинская Мадонна» ознаменовала собой наивысшую точку творческих достижений живописца.

Этот алтарный образ долгое время считался самым совершенным произведением искусства, когда-либо созданным человеком.

При этом есть все основания полагать, что и здесь не обошлось без влияния Форнарины.

Идею и композицию «Сикстинской мадонны» Рафаэль заимствовал у Леонардо, но это и обобщение его собственного жизненного опыта, размышлений над мадоннами и местом религии в жизни людей.

«Сикстинскую мадонну» Рафаэль писал в то время, когда сам переживал тяжёлое горе. И потому всю свою печаль вложил в божественное лицо своей Мадонны.

Он создал самый прекрасный образ Богоматери, соединив в нём черты человечности с высшей религиозной идеальностью.

На Сикстинской мадонне изображена женщина с ребенком, но это не просто женщина, это Дева, держащая на руках благословенное дитя.

Ее нежный и одновременно грустный взгляд как будто знает о том, какое неблагоприятное будущее ждет ее сына.

Ребенок же, напротив, полон жизни, сил и энергии.

Мать трепетно и нежно держит сына на руках, прижимая голое тельце ближе к себе, как бы стараясь защитить его от всех бед, которые несет жизнь.

На картине женщина изображена стоящей на небесах, так как это именно она родила Спасителя и принесла Благословение на земли грешных.

На первый взгляд картина проста и понятна, но Рафаэль всегда вкладывал в смысл картины больше, чем мог осознать непосвященный в тайны чудес писания картин.

Их целостность словно говорит нам о том, что их миссия на земле только начинается, а уготовленные судьбой лишения лишь подчеркнут значимость их действий.

Это ведь Божественное дитя, подаренное миру, а, возможно, и принесенное в жертву для того, чтобы показать, что рождены все одинаково, что люди, что сыновья Господни, но, только преследуя праведные цели, можно найти свое место среди белых облаков.

«Сикстинская Мадонна» – шедевр, в котором сочетаются такие не сочетаемые явления, как брэнное людское тело и священность духа, как, свойственное простым людям, рождение детей и искупление грехов путем убийства.

Все смешалось, все спорит друг с другом, но, в то же время, одно другое дополняет.

Без тела невозможно было бы изобразить женщину, подарившую миру Божественное дитя, без духа нет жизни в теле, без естественного появления ребенка на свет, как бы люди поняли, что также способны от рождения идти праведным путем, как без искупления греха стать безгрешным.

Столько эмоций уместилось на одном полотне, столько человеческих умов и мыслей легло на ложе познания истины, но только сам автор мог сказать, что имел в виду, объединяя несовместимые вещи.

Картина была куплена в 1754 королем Фридрихом III Саксонским у церкви Сан-Сиксисто в Пьяченце за сумму, которая шокировала бы даже современного почитателя искусства.

В XIX и XX веке русские писатели и художники отправлялись в Дрезден, чтобы увидеть «Сикстинскую Мадонну».

Они видели в ней не только совершенное произведение искусства, но и высшую меру человеческого благородства.

«Чем больше смотришь, – писал Карл Брюллов, – тем больше чувствуешь непостижимость сих красот: каждая черта обдуманна, преисполнена выражения грации, соединена со строжайшим стилем».

Лев Толстой и Фёдор Достоевский в рабочих кабинетах имели репродукцию «Сикстинской Мадонны».

Жена Достоевского в своём дневнике записала: «Фёдор Михайлович выше всего в живописи ставил произведения Рафаэля и высшим его произведением признавал «Сикстинскую Мадонну».

Более того, она оказала влияние и на его творчество.

Так в духовном становлении Аркадия из «Подростка» глубокий след оставила увиденная им гравюра с изображением Мадонны.

Свидригайлов из «Преступления и наказания» вспоминает лицо Мадонны, которую он именует «скорбной юродивой», и это высказывание позволяет увидеть всю глубину его нравственного падения.

Николай Крамской в письме жене признавался, что лишь в оригинале заметил многое такое, что не заметно ни в одной из копий.

«Мадонна Рафаэля, писал он, – действительно произведение великое и действительно вечное, даже и тогда, когда человечество перестанет верить, когда научные изыскания... откроют действительно исторические черты обоих этих лиц, и тогда картина не потеряет своей цены, а только изменится её роль».

«Один раз человеческой душе было подобное откровение, – писал о «Сикстинской Мадонне» восхищенный ею Василий Жукковский, – дважды случиться оно не может».

Все эти высказывания наших великих писателей и художников говорят только о том, что и они не избежали влияния великой картины на свое творчество.

Впрочем, иначе не могло и быть.

Великое не может оставить равнодушными великих, и так или иначе, но все они откликнулись на, возможно, самое совершенное творение человека на земле.

И дело здесь, коненчо, не только в любви к женщине.

Картина Рафаэля показывала любому творческому человеку ту Великую Бесконечность, к которой следует стремиться.

Как повествуют старинные сказания, папе Юлию II было видение Богоматери с младенцем. Усилиями Рафаэля оно превратилось в явление Богородицы людям.

Более того, запечатлённый Рафаэлем образ женщины с младенцем, навсегда вошёл в историю живописи как нечто нежное, девственное и чистое, и люди, не знакомые с историей создания картины, отказываются верить в то, что в образе Мадонны Рафаэль отразил оду из самых развратных женщин его эпохи.

Но и это, в свою очередь, говорит только о том, что для великого художника не важно «что», а важно «как».

Сыграла свою важную роль и его любовь. И далеко не случайно сам Рафаэль как-то сказал:

– Художник становится талантливее, когда любит или бывает любим. Любовь удваивает гений!

Есть и еще одно «но».

Мужчины, даже самые великие, нередко влюбляются в женщин далеко не самых нравственных. Потому, что любят не женщину, а в женщине ангела.

Им нужен ангел, которому они хотели бы поклоняться и посвящать своё творчество.

Но, как это ни парадоксально, если бы не было тех самых женщин, поведение которых принято называть свободным, не было бы у нас выдающихся произведений искусства.

Во всяком случае, в Средние Века. Потому что приличные женщины не позировали обнажёнными. Это считалось грехом.

Так, моделью для создания Венеры Милосской послужила гетера Фрина. А таинственная улыбка Моны Лизы, есть улыбка соблазнённой художником чужой жены.

К концу жизни Рафаэль был на пике своей славы и завален заказами.

Папство задолжало ему очень большие суммы.

Лев X, который сменил Юлия II на престоле, предполагал расплатиться с Рафаэлем тем, что произведет его в кардинальский сан, хотя Рафаэль не был духовным лицом.

Благо подобное тогда было возможно. И, может быть, Рафаэль получил бы кардинальский сан, если бы не его внезапная смерть.

Даже многочисленные ученики не справлялись с огромным количеством заказов, поступающих от римского Папы, знати и иностранных монархов.

Художник был полностью поглощен новыми планами, масштабными архитектурными и декоративными работами.

Рафаэль был богат, жил в роскоши, не отказывал себе в удовольствиях.

Любимый всеми и прославляемый соотечественниками, мастер, скорее всего, был счастлив, но судьбой ему была отпущена, увы, короткая жизнь.

По одной из версий считается, что причиной его смерти стала сильнейшая простуда, которую он заполучил в катакомбах Рима при раскопках.

Согласно другой, призванный к Папе, Рафаэль поспешил в Ватикан и был очень разгрячен ходьбой.

Проведя два часа в холодной зале Ватикана Льва X, с которым он говорил о храме Св. Петра, Рафаэль, вернувшись домой, почувствовал озноб и слег.

Во время его болезни папа посылал по несколько раз в день узнавать о положении своего любимца.

Есть версия и о том, что Рафаэль умер от малярии, которая в те времена была настоящим проклятием Рима.

Все дело было в том, что вокруг Рима находилось огромное количество болот, отчего воздух в городе был очень нехороший, особенно в летние месяцы, и все, кто мог, уезжали из Рима, начиная еще с весны.

Современник Рафаэля, венецианец, случайно гостивший тогда в Риме, оставил миру эти свидетельства того благоговейного почитания, каким был окружен Рафаэль.

За несколько дней до его смерти дрогнули стены папского дворца, угрожая падением, так что папа должен был временно переселиться в покои монсеньора Чибо.

Разрушение грозило как раз тем комнатам, которые были расписаны Рафаэлем, и народ приписал это чудесному предсказанию неба о близкой смерти божественного гения.

Венецианец закончил письмо просьбой предупредить знаменитого тогда в Венеции портретиста Катену: «Пусть приготовится к смерти – она угрожает теперь даровитейшим художникам».

Благородный характер гениального художника успел проявиться и в последние минуты его жизни. Перед принятием Святого Причастия Рафаэль написал завещание, в котором не забыл ни родных, ни друзей.

Прежде всего, он обеспечил, конечно, свою любимую и верную подругу; позаботился о тех из своих учеников, которым заменял отца. Дом подарил кардиналу Биббиене, а имущество оставил родным.

Известный искусствовед, Вазари, отмечал еще одну черту Рафаэля – его страсть к женщинам. И однозначно считал, что именно эта страсть и довела его до могилы.

По мнению Вазари, сексуальная неводержанность Рафаэля послужила причиной его ранней смерти.

После очередной бурной ночи художник впал в лихорадочное состояние, и приглашенные врачи стали его лечить так, как было принято в те времена – с помощью обильного кровопускания, вместо того, чтобы дать укрепляющее.

Но и сексуальные потребности Форнарины были столь велики, что ни один мужчина уже не мог их удовлетворить. А Рафаэль к тому времени стал всё чаще жаловаться на здоровье и, в конце концов, слёг.

Общее недомогание организма врачи объяснили простудой, хотя на самом деле причина была в чрезмерной сексуальной ненасытности Маргариты и в творческих перегрузках, которые подорвали здоровье мастера.

Великий Рафаэль Санти скончался в Великую Пятницу 6 апреля 1520 года, в день, когда ему исполнилось 37 лет.

Легенда о смерти Рафаэля гласит: ночью тяжело больной Рафаэль пробудился в тревоге – Форнарины нет рядом!

Он поднялся и пошёл искать её.

Обнаружив возлюбленную в комнате своего ученика, выдернул её из постели и потащил в спальню. Но вдруг его гнев сменился страстным желанием обладать ей тотчас же. Форнарина не сопротивлялась.

В результате – во время бурного эротического действия художник умер.

Но, как бы там ни было, Рафаэль умер в свой 37 день рождения и был похоронен в римском Пантеоне.

Согласно исследованиям творчества великого художника, основанным по данным Вазари, Рафаэль умер в возрасте 37 лет от сердечной недостаточности.

Ученики художника обвинили неверную Маргариту в смерти их учителя и поклялись отомстить за то, что чередой бесчисленных измен она разбила сердце великого человека.

Испуганная Маргарита бежала к отцу, в доме которого скрывалась некоторое время.

Здесь она однажды столкнулась нос к носу с бывшим женихом Томазо, который по её милости пять лет провёл в монастырском заточении.

Маргарита не нашла ничего лучше, как попытаться соблазнить его, и оголила перед пастухом свои пышные плечи.

Тот, схватив горсть земли, бросил её в лицо бывшей невесте и ушёл, чтобы никогда больше не видеть женщину, поломавшую ему жизнь.

Оставленного Рафаэлем наследства хватило бы легкомысленной Форнарине на то, чтобы изменить жизнь и стать порядочной женщиной.

Но, почувствовав вкус плотской любви и беспечной жизни, познав самых известных мужчин Рима, она не пожелала что-то менять.

До конца дней Маргарита Лути оставалась куртизанкой. Умерла она в монастыре, и причина её смерти неизвестна.

Рафаэль оставил незаконченные росписи виллы Фарнезины, Ватиканские лоджии и ряд других работ, которые завершили по картонам и рисункам его ученики.

Свободные, изящные, непринужденные образы мастера выдвигают их создателя в ряд крупнейших художников мира.

Работы в области архитектуры и прикладного искусства свидетельствуют о нем как о разносторонне одаренном деятеле Высокого Возрождения, снискавшем громкую славу у современников.

Живописные творения Рафаэля украшают самые знаменитые музеи мира. Более того, благодаря им, в частности, эти музеи и стали знаменитыми.

Миллионы людей ежегодно замирают в восхищении перед образом «Сикстинской Мадонны», давно ставшей главным сокровищем Дрезденской галереи.

Они с умилением смотрят на прекрасную, неземную женщину, протягивающую им с небес доверчивого младенца.

Но даже сейчас мало кто знает, что земная плоть женщины, изображённой на картине, некогда принадлежала самой сладострастной и распутной куртизанке Италии – той, которая погубила гения в расцвете его сил и таланта.

Впрочем, в литературе встречается и иная версия описанных событий.

Рафаэль с самого начала влюбился в развратную римскую девицу, отлично знал её цену, но в безнравственной атмосфере двора пап-меценатов не смущался использовать её в качестве модели при написании ликов Божьей Матери.

К ранней же смерти художника Маргарита Лути не имела никакого отношения.

Великий Гете не только оценил Рафаэля, но и нашел меткое выражение для своей оценки.

– Он, – сказал Гете, – создавал то, что другие только мечтали создать...

Это верно.

Рафаэль воплотил в своих произведениях не только стремление к идеалу, но и сам идеал, недоступный простому смертному.

Лопе де Вега: «Любить и сочинять стихи – это одно и то же»

Будущий великий поэт и драматург родился 25 ноября 1562 года в семье ремесленника-вышивальщика Феликса де Вега.

Род был настолько обедневший, что семья часто ложилась спать голодной. Чтобы не думать о еде, мальчик воображал всевозможные красивые картины.

В десять лет Лопе перевел в стихах «Похищение Прозерпины» Клавдиана, римского поэта IV века.

Родители и их знакомые были в шоке, поскольку перевод носил такой ярко выраженный сексуальный характер, какой вряд ли бы смог предать зрелый поэт. А здесь речь шла о 10-летнем мальчике.

Через два года Лопе еще больше подивил родителей, вручив им свое первое произведение с весьма многообещающим названием «Истинный любовник».

Встревоженный отец поинтересовался у сына, откуда ему известные столь интимные подробности отношений между мужчинами и женщинами?

В ответ сынок только улыбнулся.

Судя по всему, в 12 лет Лопе уже знал, о чем пишет.

Перепуганные столь ранним созреванием сына родители поспешили отдать его в школу ордена иезуитов, весьма наивно полагая, что там ему отобьют охоту к разврату.

Поначалу их надежды оправдались, но только до тех пор, пока молодой да ранний поэт не поступил в Мадридский университет права.

Вот здесь и понеслась юная восторженная душа в пучину наслаждений.

Однако университет закончить ему не удалось.

В 1583 году начинающий драматург вступил в любовную связь с замужней дамой, актрисой Еленой Осорио, выступавшая в его поэзии под именами Филис, Доротеи, Саиды, Фелисальбы и другими.

Образ ее развивался и претерпевал изменения в период разгула страстей порожденной ею эротико-поэтической бури.

– Ее чары и прелести, – говорил сам поэт, – обошлись мне более чем в две тысячи стихотворений.

Этот поток лирических излияний, вовсе не ограничившийся указанным количеством, позволяет созерцать образ возлюбленной Лопе, а также увидеть процесс зарождения их любви.

«Я не знаю, – писал Лопе де Вега, – какие звезды, благосклонные к влюбленным, царили тогда на небосводе, но как только мы увидели друг друга, мы поняли, что созданы друг для друга, что принадлежим друг другу.

Между нашими звездами было такое сходство и такое соответствие, что казалось, будто мы всегда знали и всегда любили друг друга».

Наверное, иначе не могло и быть.

«Природа, – описывал свою возлюбленную Лопе, – влила в нее соки и ароматы всех цветов и всех пахучих трав, она собрала рубины, кораллы, жемчуг, кристаллы гиацинтов, бриллианты, чтобы создать сие приворотное зелье, которое сквозь мои очи проникло мне в сердце; этот любовный напиток возбудил мои чувства и подчинил меня этому телу, словно созданному из солнечного света и пахучего нарда».

И она, действительно, была хороша, эта Елена.

«Ее тонкое и нежное лицо с неправильными чертами поражало живостью и подвижностью, – описывал ее портрет один из биографов Лопе де Веги. – У нее были пышная грудь над туго затянутым корсажем, полные бедра и тонкая гибкая талия.

Ее гладкая кожа, тонкая, как папиросная бумага, имела теплый оттенок темного янтаря. Ее изящные руки с тонкими запястьями и длинными пальцами обещали самые изысканные ласки.

Ее походка сочетала в себе очаровательную мягкость и кошачью грацию.

От нее исходили волны сладострастной неги, она покоряла всех своей чарующей красотой.

Но главным ее оружием были глаза: их взгляд проникал в самые потаенные уголки души и затрагивал самые нежные струны, навсегда устанавливая над этой душой свою власть.

Обрамленные длинными ресницами, глаза ее, блиставшие особенным светом, казалось, хранили в своей глубине некую тайну, которую они однажды узрели.

Под их взглядом все смягчались и умилялись, и в то же время под взорами этих страстных, пылких глаз самые мужественные, самые стойкие мужчины теряли волю.

Широкий лоб, заключенный между нежными, словно озаренными светом висками, завершался волевым изгибом бровей. Чуть изогнутые алые губы представляли на всеобщее обозрение все тайны обольщения.

Ее золотистые волосы ниспадали на плечи и окутывали ее стройную величавую шею, подчеркивая ее изящество. К ее достоинствам присоединялось умение петь, танцевать и играть на различных музыкальных инструментах, и лучше всего – на арфе.

Веселая, очаровательная, невероятно привлекательная, решительная в своих поступках, ибо в них она руководствовалась лишь желанием утвердить свою свободу, она была больше чем просто женщиной – это был целый роман!»

И ничего удивительного в том, что именно Елена стала прообразом идеальной героини в творчестве Лопе, не было.

Она властно и навсегда воцарилась в его жизни.

Более того, почти все женщины, к которым Лопе будет испытывать привязанность, будут похожи на нее, за исключением его двух законных супругов.

Охваченные любовной страстью, они ставили наслаждение превыше всего и не расставались ни на минуту. И не было в Мадриде таких мест, где их не видели вместе.

Дабы увековечить свою любовь, они заказали знаменитому художнику Фелипе де Лианьо свои портреты, и тот изобразил их в виде карточных дамы и валета.

Это была первая великая страсть Лопе, не страшившаяся ничьих взглядов и пренебрегавшая всеми предосторожностями.

Да и какие могли быть еще предосторожности, если из-под его пера чуть ли не каждый день изливались поэтические объяснения в любви.

Не было ничего удивительного и в том, что уже очень скоро эта страсть стала разрушительной.

А затем...

29 декабря 1587 года в коррале Санта-Крус, как назывался тогда один из мадридских театров, к Лопе подошли четверо мужчин: три полицейских и альгвасил Диего Гарсия.

Ему связали руки и вывели из театра.

В дверях они повстречали Херонимо Веласкеса, директора театральной труппы и отца Елены Осорио.

Завидев арестованного Лопе, он торжествующе улыбался.

Так Лопе оказался в королевской тюрьме, здание которой возвышалось на улице Аточа.

Но напрасно он ломал голову над тем, почему его арестовали. Доискаться причины он так и не смог.

А она, конечно, была.

Его возлюбленная была дочерью известного актера Херонимо Веласкеса, создавшего преуспевающий театр.

Он жил с семьей, состоявшей из его жены Инес Осорио, двоих детей – Дамиана и Елены, брата Диего, свояченицы Хуаны Гутьеррес и племянницы Анны Веласкес.

Дамиан, доктор права, занимал весьма солидные посты и выполнял ответственные поручения в тех краях в заокеанских владениях Испании и был причастен к процессу, организованному против Лопе.

Что касается Елены, то про нее известно, что в 1576 году она вышла замуж за актера по имени Кристоаль Кальдерон.

Однако сей господин не стал серьезным препятствием для амурных походов своей жены, ибо по каким-то причинам постоянно отсутствовал и ни разу не появился в суде на слушаниях по делу, последовавших после ареста Лопе.

Главным инициатором ареста поэта был отец Елены. Правда, спровоцировал его на этот поступок сам Лопе.

А все началось с того, что мать Елены заявила дочери, что связь ее с Лопе отныне должна быть прервана, «ибо они оба стали притчей во языцах для всего Мадрида» именно по его вине.

И тогда доведенная до отчаяния жестокими попреками матери женщина сказала своему возлюбленному:

– Сегодня она бранила меня и говорила, что ты меня губишь, что ты меня обесчестил, опозорил, что ты бросишь меня без денег и без надежд.

Лопе решил вырвать Елену из ее семьи.

Желание его окрепло еще больше, когда он стал замечать в своей возлюбленной склонность к коварству и лицемерию.

Так оно и было, и Елена, к великому удовольствию родителей, кружила голову влиятельному господину, чье богатство и власть льстили самолюбию ее семьи и распаляли ее жадность.

Этим господином был Франсиско Перрено де Гранвела, племянник кардинала и известного политического деятеля.

Прекрасно образованный, он был страстным поклонником искусств, имел хороший вкус и слыл меценатом и коллекционером.

ОН был хорошо известен в обществе и своими любовными похождениями.

Лопе почувствовал, какую опасность представлял для него его могущественный соперник.

– Я знаю, – скажет он устами одного из героев своих пьес, – что слабый, незначительный человек, осмелившийся противостоять человеку влиятельному, всегда кончит тем, что признает себя побежденным...

Понимал он и то, что Елена, несмотря на всю свою любовь к нему, подчинится давлению родителей и пойдет на разрыв их отношений.

Да, она любила его, но любовь не мешала ей соблюдать равновесие между своими чувствами и интересами.

Искушенная кокетка, владевшая всеми секретами обольщения, она сумела устроиться так, что, принадлежа одному человеку, пользовалась милостями еще двоих ученых мужей: Висенте Эспинеля и Луиса де Варгаса Манрике.

Лопе страдал от ревности и решил избавиться от того, что считал результатом дурного воздействия семейства Елены Осорио.

Да, Лопе не был еще богат, но добился определенной известности.

Он был востребован в театре, и зрители все чаще пренебрегали пьесами, вышедшими не из-под его пера.

Именно поэтому он, будучи личным драматургом Херонимо Веласкеса курицей, являлся для него курицей несущей золотые яйца.

И он решил эти яйца у него отнять.

В один далеко не самый прекрасный для него день он объявил ему, что отныне будет отдавать свои пьесы директору другой труппы – Гаспару де Порресу.

– Я очень люблю Елену Осорио, – говорил Лопе в ходе слушаний по его делу, – и это ей я посвящал все комедии, которые писал для ее отца. Я отдавал их ему, чтобы обеспечить ее существование. А преследуют меня из-за того, что я решил отдавать мои пьесы Порресу...

Так оно и было.

Родители Елены мирились с тем, что их дочь изменяет законному супругу с любовником, но только до тех пор, пока он обеспечивал труппу Херонимо Веласкеса своими пьесами.

Сыграло свою роль и то, что именно он стал серьезным препятствием для того, чтобы Елена пользовалась щедротами других своих любовников с более толстыми кошельками.

И когда Лопе попытался предъявить на их дочь свои права, помешал принимать ухаживания Франсиско Перрено де Гранвела и лишил их возможности извлекать доходы из «плодов его пера», Веласкесы приняли решение его «обезвредить».

Им оставалось лишь найти главный пункт обвинения, причину возбуждения иска.

И они спровоцировали арест Лопе, обратив против него его же собственный талант и ту легкость, с коей из-под его пера выходили стихотворные и прозаические произведения.

Дело в том, что в конце 1587 года по Мадриду ходило немало не слишком приятных слухов о семействе Веласкесов, а также множество пасквилей, памфлетов и эпиграмм, наносивших ущерб репутации этого семейства.

Недолго думая, семейство, приписало все эти пасквили Лопе де Веги и обратилось с жалобой в суд.

Речь шла о стихах, героем которых был брат Елены, написанных на кастильском наречии, в которых употреблялись грубые, а порой и малопрстойные выражения.

Лопе отверг обвинения в авторстве этих пасквилей и памфлетов. Но своим красноречием он сам загнал себя в ловушку.

Непринужденность, легкость, изящество и убедительность его речи – все эти достоинства, что проявлялись и в его творчестве, обернулись против него.

Судьи оценили эти качества в его речах в суде и пришли к выводу, что он превосходным образом мог поставить свои таланты на службу злословию и поношению семейства Веласкесов.

Сыграли свою роль и показания многочисленных свидетелей, которые поведали о той неприязни, которой отличались высказывания поэта по отношению к семейству Веласкесов.

Многие из этих людей жаждали хотя бы раз в жизни «утереть нос» человеку, столь разительно отличавшемуся от них самих, поэту, возомнившему себя дворянином, и были чрезвычайно рады, что им представилась возможность сыграть с ним злую шутку.

С каждым днем возрастающая слава Лопе, его красивое лицо, статная фигура, его обаяние раздражали многих, и у него появилось множество врагов.

Именно в связи с этим процессом Лопе узнал об истинном отношении к нему тех, кого он считал друзьями, в большинстве своем они не пожелали опровергнуть обвинения, выдвинутые против него.

8 февраля вердикт был вынесен, Лопе был признан виновным и осужден на изгнание.

В течение восьми лет Лопе не имел права приближаться к Мадриду, более чем на пять лье, а в течение первых двух лет он вообще не имел права находиться в пределах королевства.

В случае возвращения в страну раньше срока, Лопе ждала смертная казнь, а в случае досрочного появления в Мадриде – галеры.

На следующий день Лопе вышел из тюрьмы, чтобы покинуть Мадрид.

Как это не покажется странным, но пребывание в тюрьме привело к бурному всплеску поэтического вдохновения, в результате которого появился роман «Доротея».

Надо ли говорить, что главная героиня являлась литературной ипостасью Елены Осорио.

В «Доротее» он рассказал о зарождении его великой страсти и его первой любви.

В то же самое время «Доротея» стала одним из самых оригинальных творений Лопе, поскольку именно в ней он изложил все свои художественные пристрастия.

Но все это будет позже, а пока Лопе оказался на свободе. Он вышел из тюрьмы в хорошем настроении, преисполненный решимости не подчиняться приговору суда.

Все дело было в том, что он снова был страстно влюблен. Понимая, что знатное семейство его новой пассии не отдаст ему свою дочь, он решил похитить ее.

И это в том самом Мадриде, пребывание в котором грозило ему отправкой на галеры!

Да и за само похищение его могли приговорить к смертной казни.

Особенно если учесть, что отец его новой избранницы, дон Диего де Ампуэро-и-Урбина был начальником городской полиции Мадрида и исполнял обязанности главного герольдмейстера при Филиппе II.

Великая честь занимать столь почетную должность издавна оказывалась только самым благородным дворянам, знатым рыцарям.

Так что все шансы оказаться на эшафоте у Лопе были.

Но охота, как известно, пуще неволи...

Похищение Изабеллы, а именно так звали девуцу, Лопе осуществил с полного ее, надо заметить, согласия в начале февраля 1588 года.

Ему помогал его верный друг Клаудио Конде. В деле принимали участие дуэнья Изабеллы и альгвасил Хуана Чавес.

Именно он, выполняя поручение святой инквизиции, попросил Изабеллу явиться для дачи показаний.

Влюбленные спрятались на берегах Тахо, более чем в пяти лье от Мадрида, где им приходилось рассчитывать на сдержанность и молчание людей, их окружавших.

Лопе грозила смерть, а Изабелле – заточение в монастырь.

Однако всего через две недели они расстались, так как Лопе должен был покинуть пределы королевства Кастилии.

А вот уехал ли он на самом деле из Кастилии, не знает никто.

Сильно скомпрометированная Изабелла вернулась в Мадрид.

Но отнюдь не для того, чтобы просить у родителей прощения, а чтобы получить от них согласия на брак.

И те дали его.

А что было делать?

Не выносить же сор из избы? Да еще какой!

Изабелла стала женой Лопе 10 мая 1588 года.

Соблазителя родители так и не простили, а вот иск отозвали.

Бракосочетание состоялось в знаменитой церкви Сан-Хинес, расположенной неподалеку от дома, где родился Лопе, церкви, которая не раз на протяжении жизни поэта станет «участницей» его любовных походов.

На свадебной церемонии не было родителей невесты и никого из родственников.

Однако Изабелла не чувствовала себя одинокой, так как ее сопровождали друзья мужа.

По всей видимости, она знала, что Лопе, презрев все запреты, находился где-то рядом и наблюдал за столь необычным зрелищем.

Теперь Изабелла могла со спокойной совестью подумать о том, что очень скоро она будет наслаждаться мирной семейной жизнью.

Однако Лопе решил иначе.

В это время король Филипп II решил послать к берегам Англии военно-морскую эскадру, которая должна была выйти из Лиссабона 29 мая 1588 года.

Со всей Испании в порт уже прибывали толпы добровольцев, охваченных пламенем религиозного фанатизма и патриотизма.

И Лопе решился на отчаянный шаг, поскольку, приняв участие в столь славном начинании, мог в одночасье превратиться из изгоя в героя, Изабелла умоляла его не делать этого, однако слезы оказались такими же бессмысленными, как и угрозы.

Оставив безутешную жену, Лопе отправился в Лиссабон, где стоял флот.

Однако никакого героя из него не получилось.

Экспедиция потерпела крах, и чудом оставшийся в живых Лопе вернулся в Испанию.

– Изабелла, – сказал он жене, – я хотел бы заслужить прощение за все те страдания, которые я вам причинил...

Ответом Изабеллы было ее вспыхнувшее от счастья лицо, и она, забыв все обиды, отдалась во власть любовного безумства.

Лопе увидел в ее верности и бесконечном терпении нечто героическое, и именно такой, верной и преданной, она предстала перед нами в тех стихах, которые Лопе посвятил ей.

Но не все было так безоблачно.

С печальным исходом похода «Непобедимой армады» все надежды на амнистию рухнули, и Лопе был обязан покинуть Кастилию.

На этот раз он вместе с женой отправился в Валенсию, которая отличалась не только прекрасной природой, но насыщенной культурной жизнью.

Надо ли говорить, что очень скоро Лопе де Вега стал одним из самых востребованных людей в Валенсии.

Его пьесы шли во всех театрах, и повсюду распевали его прекрасные романсы, посвященные Елене и Изабелле.

Именно в Валенсии впервые на суд зрителей была представлена пьеса по его роману «Доротея».

Вскоре Лопе вернулся в Толедо, и на него одно за другим обрушились страшные несчастья.

Сначала умерла маленькая Антония, а вскоре за ней последовала и так и не оправившаяся от страшной утраты Изабелла.

Еще через несколько месяцев умерла и вторая дочь Лопе, Теодора.

Но самое ужасное было в том, что поэт сам предсказал в знаменитом пророчестве в «Доротее» устами астролога дона Сесара такое развитие событий.

– После вашего заточения в тюрьму, – говорил астролог, – вы будете изгнаны из королевства; но незадолго до того вы станете ухаживать за некой молодой девицей, которая привяжется к вам, воспылав любовью и к вашей славе, и к вашей особе, и вы сочтаетесь с ней узами брака. Она будет вашей верной спутницей в период изгнания, она будет вашей верной подругой во всех ваших горестях, ее преданное сердце будет стойким перед лицом бедствий, она умрет спустя семь лет после свадьбы, и вы вернетесь в Мадрид с разбитым сердцем...

Лопе на самом деле вернулся в Мадрид, так как отец Елены Осорио обратился с просьбой об отмене приговора, который был вынесен поэту.

Все дело было в том, что театр Веласкеса прогорал, и он очень надеялся на то, что ему удастся договориться с Лопе, чье имя уже гермело по всей Испании, и получать его новые пьесы.

Да и Елена после смерти мужа оказалась в весьма стесненных обстоятельствах, и ее папаша очень надеялся на то, что старая любовь не ржавеет и Лопе снова сойдется с ней.

Однако он ошибся.

Лопе не дал ему ни одной своей новой пьесы, которые буквально вылетали из-под его пера, а предметом его страсти стала миленькая вдовушка, донья Антония Трильо де Армента.

Эта связь привела только к тому, что имя Лопе де Вега еще раз появилось в списке лиц, против коих по искам были возбуждены дела в суде Мадрида. На этот раз он был обвинен в незаконном сожителстве.

В те времена правосудие не шутило с внебрачными связями и карало за них галерами и изгнанием, сопровождаемыми публичной поркой.

Однако дело не получило дальнейшего развития, так как человек, подавший иск, не нашел поддержки у властей.

Зато остался написанный Лопе донье Антонии превосходный сонет.

Справедливости ради отметим, что написан он был Елене Осорио, а затем с небольшими изменениями был посвящен еще нескольким дамам.

Из всей этой истории Лопе понял только одно: впредь ему надо быть осторожнее. Его завистливые и менее удачливые собратья по перу внимательно следили за каждым его шагом и только ждали удобного случая, чтобы ему навредить.

В начале 1598 года Лопе женился на дочери Антонио де Гуардо, который был крупным поставщиком мяса и работал в городском самоуправлении Мадрида.

Вся беда была только в том, что был не способен на размеренную семейную жизнь.

Новой любовью Лопе стала актриса Микаэла де Лухан (в стихах и прозе Лопе – Камила Лусинда).

Ни одна из женщин, коими увлекался Лопе, не оставила в его творчестве столь яркого следа, как оставила за семь лет их любовной связи Микаэла де Лухан.

На это время именно она стала для него направляющей силой, воплощением идеи уподобления женщины поэзии.

Они сошлись летом 1598 года, и Лопе обессмертил это событие в стихотворении.

Сложно сказать, какой Микаэла была актрисой, а вот соблазнительницей эта красивая женщина была великой.

Потому поначалу и держала Лопе на расстоянии, разжигая в нем великую страсть, которую он выражал пока только в посвященных ей стихах.

В 1608 году в период серьезного духовного кризиса Лопе разорвал эту связь.

В 1609 году он становится добровольным слугой инквизиции.

Душевное состояние писателя было усугублено следовавшими друг за другом смертями, любимого сына Карлоса Феликса, жены, а затем – и Микаэлы.

Свидетельство пережитой духовной драмы – сборник «Священные стихи», опубликованный в 1614 году.

В 1616 году Лопе встретил свою последнюю любовь – двадцатилетнюю Марту де Неварес, которую воспел в стихах и в прозе под именами Амарилис и Марсии Леонарды и которой посвятил одну из лучших своих комедий – «Валенсианскую вдову», а также новеллы «Приключения Дианы», «Мученик чести», «Благоразумная месть» и «Гусман Смелый».

Это была очень красивая женщина, невысокого роста, с вьющимися волосами, длинными ресницами и глубокими, как море, глазами цвета морской волны, веселая, грациозная, умная, любившая поэзию.

Лопе влюбился в нее с первого взгляда, несмотря на свои пятьдесят лет, да и сама Марта полюбила поэта, окруженного ореолом неслыханной славы.

Марта была замужем за грубым, алчным, богатым крестьянином Аялой, и, конечно, ей не мог не понравиться изяшный и ласковый поэт.

Аяла часто отлучался на долгое время в горы, где у него были виноградники, и любовники не испытывали никаких трудностей.

Как только муж уезжал, Лопе являлся к своей возлюбленной, а по его возвращении уходил, терзаемый страшной ревностью.

Вскоре у Марты родилась девочка, которую муж признал своей.

Так продолжалось довольно долго. Но в одно прекрасное время Аяла застал влюбленных на месте преступления.

Лопе убежал, а Марту разъяренный крестьянин сильно избил.

Она подала на развод, что еще более озлобило мужа, и он стал вымещать свой гнев на Лопе де Вега.

Встречи с Лопе часто заканчивались скандалами, и кто знает, чем бы закончилась вся эта эпопея, если бы муж Марты вскоре не умер после того, как узнал, что дело о разводе решено в пользу его жены.

Лопе был на вершине блаженства.

Но поэту в это время уже было 56 лет.

Страсть угасла в его душе, и он мог любить свою Марту только платонической любовью.

К тому же несчастья, преследовавшие его всю жизнь, не отступали от него ни на шаг.

Его дочь Марчелла, не будучи в состоянии перенести поведение отца, поступила в монастырь, сын погиб во время кораблекрушения, а другая дочь, Антонина, тайно убежала с одним придворным.

Наконец, сама Марта после долгой болезни ослепла, а через некоторое время сошла ума.

Но творческая деятельность Лопе не прерывалась ни на один день.

Лопе де Вега создал более 2000 пьес, до наших дней сохранилось 426.

Дерзкий в жизни, Лопе оставил свой след и в развитии испанской драматургии, отказавшись от принятого тогда принципа единства места, времени и действия.

Он смело объединял в своих пьесах элементы комического и трагического, создав классический тип испанской драмы.

Ну и, конечно, он прославился своими любовными похождениями. И если верить молве, то соблазненных им женщин у поэта было больше, чем написанных им пьес...

Лювиобильный Гете

Давно известно, что интимная связь с женщиной, не лишенной литературного дарования, чаще всего выходит боком выдающимся творческим личностям.

Рано или поздно, страсть уходит, и если инициатором разрыва отношений являлся мужчина, то горе ему.

История литературы знает много примеров подобного рода женской мести.

Каролина Ламб, озлобленная на Байрона, выставила его в романе «Гленарвон» чудовищным воплощением лицемерия и извращенности.

Когда умер Альфред де Мюссе, Жорж Занд изобразила в отвратительном виде его поведение по отношению к себе.

Когда умирал другой ее знаменитый любовник, Шопен, она охарактеризовала его, как ребенка слабого, неразумного и до безумия раздражительного.

Пострадал от «писательницы» и Густав Флобер.

В юности он испытывал сильное чувство к Марии Шлезингер, 28-летней красавице, жене музыкального издателя, в доме которого он бывал.

Однако Густав так и не смог признаться ей в своей любви и выражал свою любовь весьма оригинально, глядя и целуя ее собаку.

А потом появилась красавица южанка Луиза Коле, мечтавшая о литературном успехе.

Они познакомились в 1846 году. Флобер видел только красоту голубоглазой Венеры, а она почуяла в нем гения.

Они стали любовниками.

Флобер любил Луизу «с бешенством, почти до потребности убить».

«Ты очаровательная женщина, – писал он ей, – я буду любить тебя до безумия!»

Но безумие к женщине вскоре стало ослабевать и сходило на нет, а, страсть к литературе возрастать непомерно.

Потом между ними встала другая женщина – мадам Бовари, которой Флобер увлекся не на шутку.

Литература затмила любовь.

Луиза хотела стать женой Флобера, но его такая перспектива пугала.

Занятый днем и ночью своим романом, он, тем не менее, находил время редактировать рукописи Луизы, которые он считал легковверными сочинениями.

В конце концов, он открыл глаза Луизе на истинную духовную и анатомическую природу женщин.

– Она могла бы войти в мой кабинет! – как-то воскликнул он, когда речь зашла о его женитьбе. – В святое святых! Нет, это невозможно!

«Ангела, – писал он Луизе, – легче нарисовать, чем женщину; крылья скрывают горб, они искренне сами с собою, они не признаются себе в своих плотских чувствах.

Они принимают свой зад за свое сердце из-за своей природной склонности к косоглазию, они не видят ни истинного, когда его встречают, ни прекрасного, где оно есть».

Луиза пылала от возмущения, читая эти издевательства.

После окончательного разрыва Луиза целиком отдалась чувству мести.

Она писала Флоберу анонимные письма, в которых называла его шарлатаном, а затем вывела Флобера в своем романе «Он» в образе бесчувственного эгоиста, растоптавшего прекрасные чувства любящей женщины.

В своем романе она изобразила Флобера жестокосердным, жадным, эгоистом и... бесталанным.

Она упрекала его в своих письмах в лести тиранам из униженности передь ними, хотя Флобер никогда не поддерживал сношений с Тюльерийским дворцом.

Нельзя сказать, что Луиза убивала Флобера своими признаниями, но крови она ему попртила не мало.

Не избежал подобной участи и Гете. Хотя нельзя не отметить и того, что внутреннее напряжение, которое всегда помогало ему в творчестве, оказывало влияние на его личную жизнь.

Гете часто попадал в странные треугольники, в которые, помимо него, были вовлечены еще две женщины.

Именно поэтому его романы редко протекали гладко.

Один из биографов указывает, что в молодости у Гете, вероятно, были проблемы с преждевременным семяизвержением, и по этой причине он практически не имел сексуальных отношений до 39 лет.

Прямых доказательств этого не существует. Но известно, что Гете легко возбуждался даже от простого пожатия руки симпатичной ему дамы.

Что же касается поцелуя, то он мог привести его – и приводил – в состояние экстаза. Многие из тех женщин, которых любил Гете, были женами его друзей.

Первой любовью поэта была Гретхен.

Она преследовала Гёте в дни юности, сопровождала его мечты в зрелом возрасте, служила ему музой на старости лет, воплотившись, в конце концов, в образе чарующей фаустовской Гретхен, лучшей и привлекательнейшей из героинь Гёте.

Однако мать поэта вспоминала о Гретхен как о первой любви ее сына, а в автобиографии Гёте подробно описал свою любовь.

Однажды Вольфганг познакомился с компанией веселых молодых людей.

На одной из вечеринок Гёте встретился с очаровательной блондинкой по имени Гретхен. Она охотно принимала ухаживания молодого поэта, но не позволяла ему никаких вольностей.

Как-то компания засиделась за полночь.

Гёте, опасаясь гнева отца, остался с друзьями.

Всю ночь он просидел, боясь пошевелиться, так как на его плече покоилась голова его подруги.

Вскоре полиция заинтересовалась не совсем благовидными делами веселой компании, которая добывала деньги с помощью поддельных векселей.

На следствии Гретхен показала, что встречалась с Гёте, но всегда смотрела на него как на ребенка.

Считавший себя «настоящим мужчиной» пятнадцатилетний Вольфганг оскорбился и, испытав неимоверные страдания, вырвал из своего сердца осмеявшую его девушку.

Впрочем, горевал он недолго, и в Лейпциге влюбился в очаровательную дочь трактирщика Шенкопфа Анну-Катерину, или Кетхен, которую Гёте в сборниках называл Анхен и Аннетой.

«Представь себе девушку, – писал один из друзей Гете, – хорошего, но не очень высокого роста, с круглым, приятным, хотя не особенно красивым личиком, с непринужденными, милыми, очаровательными манерами.

В ней много простоты и ни капли кокетства. Притом она умна, хотя и не получила хорошего воспитания. Он ее очень любит и любит чистой любовью честного человека, хотя и знает, что она никогда не сможет быть его женой».

Кетхен отвечала поэту взаимностью.

«Я люблю ее, – писал Гете приятелю. – Мне кажется, что из ее рук я принял бы даже яд...

Мы – сами себе дьяволы, мы сами изгоняем себя из нашего собственного рая».

Неожиданно для всех Вольфганг начал ревновать девушку, не имея на то никаких поводов.

Кончилась эта любовь тем, что Кетхен надоели бесконечные упреки, и она перестала встречаться с Гёте.

Сильные душевные муки заставили его искать забвения в вине и кутежах, чем он основательно подорвал свое здоровье.

Чтобы восстановить силы, Гёте уехал домой во Франкфурт, но образ очаровательной девушки преследовал его и там.

Через два года после разрыва он узнал, что Кетхен выходит замуж.

Потрясение было столь велико, что у поэта открылось легочное кровотечение.

Вольфганг писал своей возлюбленной трогательные письма, в которых обещал уехать подальше и навсегда забыть ее, предупреждал, что она не должна ему отвечать.

«Вы мое счастье! – писал он. – Вы единственная из женщин, которую я не мог назвать другом, потому что это слово слишком слабо в сравнении с тем, что я чувствую».

Свою трагическую любовь к Кетхен Гёте описал в пасторали «Капризы влюбленного».

С той поры сюжетами для его произведений часто служили события из его собственной жизни.

«Все мои произведения, – говорил он, – только отрывки великой исповеди моей жизни».

Когда Гёте выздоровел, его отправили в Страсбург для изучения юриспруденции.

Страсбург был веселым городом, и Гёте вскоре забыл о Кетхен.

В этом городе много танцевали, даже под открытым небом, и Гёте не мог не поддаться всеобщему увлечению.

Он начал брать уроки у местного танцмейстера, у которого было две дочери – Люцинда и Эмилия.

После первого же урока оказалось, что Гёте полюбил Эмилию, а Люцинда полюбила Гёте.

Увы, Эмилия любила другого, поэтому Гёте не приходилось рассчитывать на взаимность.

Между тем Люцинда не скрывала своего чувства и часто укоряла Гёте в том, что ее сердцем пренебрегают.

Однажды она обратилась к гадалке.

Карты показывали, что девушка не пользуется расположением человека, к которому равнодушна.

Люцинда побледнела, и гадалка, догадавшись, в чем дело, заговорила о каком-то письме, но девушка прервала ее словами:

– Никакого письма я не получала, а если правда, что я люблю, то правда также, что я заслуживаю взаимности.

Она убежала в слезах.

Гёте с Эмилией бросились за ней, но девушка заперлась, и никакие просьбы не могли заставить ее открыть двери.

Понятно, что начавшийся при таких неблагоприятных условиях роман не мог кончиться ничем хорошим, и Эмилия предложила Гёте прекратить уроки танцев.

Гёте стал оправдываться и доказывать, что он никогда не питал к Люцинде расположения, а восторгался одной Эмилией.

Тогда Эмилия призналась ему, что любит другого и связана с ним словом.

– Вы, – говорила она, – поступите благородно, если оставите наш дом, так как и я начинаю привязываться к вам, а это может иметь нежелательные последствия...

Гёте поступил «благородно» и удалился. У дверей девушка, не выдержав напряжения, обняла его и нежно поцеловала.

В этот момент появилась Люцинда.

– Не ты одна прощаешься с ним! – воскликнула она и обняла Гете.

Когда Эмилия подошла к ней, Люцинда оттолкнула ее и крикнула:

– Прочь! Не в первый раз ты отнимаешь у меня человека, который меня любит и которого я любила. Я откровенна, а ты а ты хитра и коварна! Этот человек, – снова обняв Гете, прокричала она, – никогда не будет моим, но и твоим он никогда не будет. Бойся моего проклятия! Да обрушится горе на ту, которая первая поцелует его после меня!

Смущенный столь откровенной сценой Гёте поспешил уйти. Навсегда...

Среди многочисленных романов, пережитых великим поэтом, его связь с дочерью зозенгеймского пастора Бриона, Фридерикой, заслуживает особого внимания.

Все началось в октябре 1770 года, когда приятель Гёте Вейланд ввел Гёте в дом пастора.

И чуть ли не в тот же самый день Гете влюбился в младшую из двух дочерей пастора Фридрику.

«Дорогая новая подруга, – писал Гете в черновике письма, написанное им после первого посещения дома пастора, – не сомневаюсь, называя Вас так, и если я хоть немного разбираюсь в глазах, то мои глаза с самого первого взгляда, обрели надежду на дружбу в Ваших, а за наши сердца я могу побожиться.

Вы, столь нежная и добрая, какой я Вас знаю, разве Вы, которая мне столь любезна, не будете ко мне хоть немного благосклонны?»

Пребывание на лоне очаровательной природы, участие в местных празднествах, сочинение стихов, которым суждено было стать событием в истории лирики, – так влюбленные проводили все свое свободное время.

История европейской литературы многим обязана бедной деревенской девушке, внушившей сильное чувство одному из величайших ее представителей.

И можно без особого преувеличения сказать, что в те счастливые для него дни он пел, как «птица».

Значение этого было тем более велико, что со времени грустной истории с Кетхен он стал терять свою Музу.

Фридерика оживила в нем стремление к творчеству и сама явилась для него музой. И вполне возможно, что не будь ее, мы не досчитались бы многих поэтических шедевров.

Вся беда была в том, что Гёте не мог жениться на ней, так как дочь бедного пастора не могла стать женой сына именитого франкфуртского гражданина, который никогда не дал бы согласия на такой брак.

Да и сам Гете несколько разочаровался в своей избраннице после приезда семьи пастора в Страсбург. И если в деревне Фридерика казалась сказочной нимфой, то в городе она выглядела обыкновенной крестьянкой.

Да, Гете продолжал ее любить и после ее отъезда из Страсбурга, но в глубине души он уже сознавал, что будущего у них нет.

«Человек, – писал он по этому поводу, – не становится ни на один атом счастливее, когда получает то, чего так страстно желал».

На его счастье, понимала это и Фридерика. Потому и не произнесла ни единого упрека, когда Гёте приехал к ней сказать ей последнее «прости».

Она старалась казаться бодрой, вот только в ее глазах, которые говорили больше, чем слова, стояли слезы.

Фридерика любила своего Вольфганга всю жизнь и, несмотря на многочисленные предложения, так и не вышла замуж.

Некоторые из биографов Гете отмечали, что после его ухода от Фридерики у нее осталось не только разбитое сердце, но и ребенок.

Во Франкфурте Гете был помолвлен с Лилли Шенеманн, дочерью банкира.

После нескольких весьма драматичных ссор и примирений помолвка прекратила свое существование, чему помог отъезд Гете в Веймар.

Позже Лилли утверждала, что между ними никогда не было интимной близости. В то же время в дневнике Гете сохранилась такая запись: «Эпизод с Лилли. Прелюдия. Сокращение. Оффенбах».

В 1774 году вышел в свет роман Гёте «Страдания молодого Вертера».

В его основе лежала очередная любовная драма писателя.

Гёте полюбил Лотту Буфф, дочь ветцларского купца, которая предпочла его другому.

Гёте познакомился с Шарлоттой Буфф на танцевальном вечере, устроенном в Ветцларе 9 июня 1772 года двоюродной бабушкой Гёте.

Лотта пленила Гёте своей внешностью и открытостью. Как описывается в «Страданиях юного Вертера», они протанцевали весь вечер.

Страстно влюбленный, сгорая желанием сойтись ближе с очаровательной дочерью советника Буффа, он в то же время сознавал, что не должен разрушать чужого счастья, основанного на согласии двух душ.

Нужно было выбирать: или нарушить это счастье, или же заглушить в себе ярким пламенем вспыхнувшее чувство. Но последний путь был путем самоубийства.

Жить без Лотты Гёте не мог.

Препятствие в лице жениха и самой Лотты, не думавшей отступать от данного ею слова, еще больше разжигало его страсть и наводило на мысль о самоубийстве.

Да что там роман, когда он сам был на волосок от смерти, о чем Гете сам поведал в своей автобиографии.

У него была большая коллекция оружия, среди которой выделялся очень красивый кинжал.

Ложась спать, он брал этот кинжал и испытывал себя на прочность.

Однако реализм оказался сильнее романтизма, и дальше мечтаний дело не пошло.

Гете даже не думал скрывать от жениха Лоты своих отношений к ней. А тот, в свою очередь, не только не пытался прекратить их отношения, но и делал все возможное для их продолжения.

Судя по всему, он пребывал в уверенности, что Гёте слишком честен, а Лотта слишком чиста для низменной роли любовницы за спиной жениха.

Понятно, что до бесконечности подобные отношения продолжаться не могли, и, в конце концов, Гете покинул свою возлюбленную, даже не простившись с ней.

Да и зачем, если он решил описать свои душевные муки в задуманном им романе.

Так появился его «Вертер». Гёте описал все, как было, чем вызвал вызвать недовольство Лотты и ее мужа.

И только в романе он совершил то, чего не смог сделать в жизни: самоубийство Вертера, в лице которого изобразил самого себя.

Впрочем, на его глазах разыгралась трагедия, главным героем которой был молодой и очень способный Иерузалем.

Он был другом Лессинга, который издавал его философские статьи.

Иерузалем страстно влюбился в чужую жену и, так и не найдя выхода из создавшегося положения, застрелился.

В 1773 году Шарлотта Буфф вышла замуж за юриста Иоганна Кристиана Кестнера и переехала в Ганновер. У неё родилось восемь сыновей и четыре дочери.

Шарлотта поддерживала переписку с Гёте и даже просила его оказать протекцию ее сыну, дипломату Августу Кестнеру.

В 1816 году Шарлотта Кестнер на несколько недель приезжала в Веймар, где жила её младшая сестра, и встретилась с Гёте.

Однако встреча оказалась единственной и прохладной.

Понятно, что всемирный интерес роман Гете вызвал не только любовной историей, но и необыкновенно живым свежим языком, обилием современных мыслей и переживаний.

«Вертер» был сразу же переведен на все европейские языки.

Молодой Наполеон прочитал книгу семь раз, брал ее с собой в походы.

Через много лет судьбе угодно было еще раз свести поэта с Лоттой.

Лотта уже была старушкой, давно потерявшей мужа, а Гёте царил в Веймаре, превратившись из пылкого, подвижного молодого человека в сурового олимпийца, бесстрастно озирающего мир с высоты своего величия.

Поэт принял у себя бывшую возлюбленную чинно, важно, как это он тогда делал со всеми, но с несомненным радушием.

Лотта хорошо сохранилась.

Отпечаток красоты лежал на всей ее фигуре, на лице бывшей красавицы. Только все время трясла головой.

Когда Лотта ушла, Гёте не мог удержаться от восклицания:

– В ней еще многое осталось от прежней Лотты, но это трясение головой! И я так страстно любил ее! Из-за нее я в отчаянии бегал в костюме Вертера! Непостижимо, непонятно...

Всем, кто читал знаменитую элегию Гёте «Парк Лили», было известно, чей это был парк.

Этой девушке, заслуживающей особенного внимания ввиду того, что она была невестой Гёте и едва не сделалась его женой, поэт посвятил много стихотворений.

Самыми известными из них стали «Уныние», «Блаженство уныния», «На море», «Осеннее чувство», «К Лине», «К Белинде» и некоторые другие.

Елизавета Шёнеман, с которой Гёте виделся в 1774 году, действительно не подходила живому, но задумчивому и высоко парящему поэту.

Богатая, легкомысленная, жившая всегда в роскоши, окруженная светскими людьми и преданная всей душой его удовольствиям, она представляла собой нечто столь противоположное великому поэту.

Именно поэтому нельзя было даже думать о возможности брака между ними.

«Представьте себе, – писал Гете в письме своей знакомой, – если можете: Гёте в галухах, фрак с головы до ног, среди блеска свеч и люстр, в шумном обществе, прикованный к карточному столу парой прекрасных глаз, рассеянно рыскающий по собраниям, концертам, балам, с легкомысленной ветреностью волоочащийся за привлекательной блондинкой, – таков теперешний карнавальный Гёте!»

Гёте познакомился с Елизаветой Шёнеман в конце 1774 года в доме ее родителей во Франкфурте. Когда он входил в музыкальный зал, шестнадцатилетняя Лили сидела за роялем и играла сонату.

«Мы взглянули друг на друга, – писал он в своей автобиографии, – и, не хочу лгать, мне показалось, что я почувствовал притягательную силу самого приятного свойства».

Для пылкого Гёте даже одной встречи было достаточно, и он написал стихотворение, в котором излил свои чувства.

Лили быстро привязала к себе Гёте, неуклюжего медведя, каким он изобразил себя в стихотворении «Парк Лили».

И он был действительно счастлив, когда она достаивала его лаской.

Кокетливой Лили нравился Гёте.

В минуту увлечения она рассказала ему историю своей жизни, жаловалась на ее пустоту, призналась в том, что общаясь с ним, хотела испытать свою власть над ним, но сама попала в сети.

Молодые люди объяснились, и вполне возможно, что дело на самом деле кончилось бы браком.

Но снова сыграла свою трагическую роль разница в общественном положении семьи советника Гете и вдовы банкира Шёнемана.

Зная педантичность отца, сестра Гёте выступила против этого брака.

Гёте никого не слушал, и тогда некая девица Дельф взяла на себя трудную задачу устроить дело.

В один прекрасный день она сообщила влюбленным о согласии родителей и попросила их подать друг другу руки.

Гёте протянул Лили руку.

Та вложила в нее свою, после чего влюбленные с «глубоким вздохом облегчения» бросились друг другу в объятия.

Вскоре состоялось обручение.

Но уже очень скоро все расстроилось из-за непримиримой вражды родителей.

Более того, знакомые Лили воспользовались поездкой Гёте в Швейцарию и в один голос уверяли Лили, что подобное поведение жениха лишней раз говорит о его холодности.

Молодые люди расстались, а Гете еще очень долго еще тосковал по возлюбленной.

Он простаивал ночи под ее окном, завернувшись в плащ, и возвращался довольный, когда ему случалось увидеть ее в окне.

Однажды он услышал, как Лили пела его песню. Ту самую песню, в которой он упрекал возлюбленную за ее тягу к светской жизни.

Лили вышла за страсбургского банкира, а Гёте, уезжая в Италию, писал в своей записной книжке: «Лили, прощай! Во второй раз, Лили! Расставаясь в первый раз, я еще надеялся соединить наши судьбы. Теперь же решено: мы должны порознь разыграть наши роли. Я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Так все это кажется перепутанным. Прощай».

Через несколько лет он встретился со своей бывшей пассией, и... ничто не шевельнулось в его охладевшей груди.

«Я, – писал он, – прошел к Лили и застал прекрасную мартышку играющей с семинедельной куклой. И здесь я был принят с удивлением и радушием.

Я нашел, что милое создание очень счастливо замужем. Ее муж, по-видимому, честен, неглуп и делен; он богат, имеет прекрасный дом, важный бюргерский ранг и т. п. – все, что ей нужно».

Все правильно, торговка и поэт вещи несоместные...

И все же самой знаменитой из всех увлечений Гете стала Шарлотта фон Штайн, с которой у него начался роман в Веймаре.

И если верить самому поэту, то из всех женщин, прославленных им в стихах, он больше всех дорожил именно Шарлоттой.

Четырнадцать лет своей жизни провел с ней Гете в самой нежной задушевной близости, причем все первое десятилетие их связи он находился под ее влиянием.

Целых десять лет, от его приезда в Веймар и до отъезда в Италию, он ее был поклонником, учеником, другом, любовником и личным поэтом.

Как он считал сам, именно благодаря ей, он приобрел остроумие, возвышенность, энергию, деликатность и авторитет.

И это, не смотря на то, что сама Шарлотта не обладала ни одним из этих достоинств.

Когда Гете в ноябре 1775 года впервые увидел Шарлотту фон-Штейн, ему было 26 лет, а она была на восемь лет старше его.

В 1764 году она вышла замуж за обер-шталмейстера Веймарского двора. У нея было шестеро детей, из которых в живых осталось трое.

Она владела всеми качествами великосветской женщины, естественностью и непринужденностью в обращении, открытыми манерами и удивительным тактом.

Она не была красавицей, но обладала привлекательной внешностью с выражением кроткой серьезности.

Как светской и придворной даме, ей была свойственна та прелесть, какая дается высшим положением.

Она стояла значительно выше франкфуртского гения, как в смысле нравственного достоинства, так и в смысле самообладания.

Гете как раз тогда был взволнован и измучен после разлада со франкфуртскими своими увлечениями и не находил себе покоя.

Она все сглаживала, смягчала, была успокоительницей, ангелом-хранителем его жизни и сестрой высшего порядка.

Шарлотта заинтересовалась молодым человеком с хорошими манерами с первых дней их знакомства. И как поговаривали, она ценила его, прежде всего, отнюдь не за поэтический его дар, а за умение держать себя в свете.

Понимала ли она, что общается с гением?

Думается, вряд ли.

Да и не за гениальность она ценила людей.

Именно поэтому она настаивала, чтобы Гете научился говорить на французском языке как истый царедворец.

В свою очередь, он до такой степени втянулся в мелкие интересы небольшого Веймарского герцогства, что на какое-то время забыл о настоящем творчестве.

Растрачивая свой огромный талант на стихотворения, на «разные случаи» и на поэтические шутки, по-настоящему он выражал себя только в своих письмах к Шарлотте.

Вполне понятны удивление и горе Шарлотты, когда в 1786 году, не разъяснив ей поводов своего отъезда, Гете бежал в Италию.

Многие стихотворения, написанные ею в сентябре, свидетельствуют о ее близкому к отчаянию состоянию.

О, как же я одинока
И вечно буду в одиночестве!

Горе принцессы в «Тассо» представляет сходное чувство, которое, конечно, не случайно. Некоторое время думали, что своей поездкой в Италию Гете хотел порвать свои отношения с Шарлоттой. Было предположение, что после десяти лет любви он почувствовал утомление.

Но скорее всего, это не так.

Письма, написанные Гете Шарлотте из Италии, ясно свидетельствуют о том, что чувства его к ней не изменились.

У него сохранилась та же потребность сообщать своей приятельнице все события из своей жизни и свои мысли. Но в то же самое время он уже мог обходиться без нее.

Ослепленный блеском итальянского неба, восхищенный остатками классической древности, искусства эпохи Возрождения, он увлекся природой и наукой.

Он испытывал такое единение с этой прекрасной страной, что покидал Италию с сожалением, несмотря на предвкушение радостного свидания с друзьями.

И те не могли не заметить, что в Веймар вернулся уже совсем другой Гете, исполненный огромной творческой силы.

В Германии поэт не обрел прежнего мира.

Ему казался чуждым немецкий климат, серое утрюмое небо пронизывало его безконечной грустью, отголосок которой можно найти в одном из его писем к Гердеру.

Ничто не могло развеять его меланхолию.

Общество, занятое в то время другими писателями, холодно встретило полное издание его сочинений.

Герцог Веймарский, увлекавшийся французской трагедией, раскритиковал его «Эгмонта».

Гердер, в свое время симпатизировавший Гетцу, стал смущаться вольностями, какими Гете стал позволять себе в отношении к морали, и считал «Римские элегии» омерзительными.

Да что там общество!

Та самая женщина, которую он боготворил в течение одиннадцати лет, встретила его весьма холодно.

Недовольна его полуторагодовым отсутствием, она осыпала его упреками, а поскольку «Эгмонт» шокировал и ее, она наградила Клару непристойным эпитетом и говорила о своей оскорбленной нравственности.

Неприятно поразило Шарлоту и то, что поэт бредил полюбившееся ему южной страной.

Можно допустить, что Шарлотта приняла эти восхваления юга за личное для себя оскорбление, хотя с ее стороны опрометчиво было проявлять язвительность.

Нельзя сбрасывать со счета и то, что Гете стал проницательней, и та, которая в дали неизменно представлялась ему совокупностью всевозможных прелестей, теперь казалась ему состарившейся женщиной.

Но в то же самое время в нем зрел истинный поэт, и поездка в Италию завершила начатое дело.

Гете достиг высшей идеальной литературной культуры, какая только существовала в то время.

Гете было больно ее слушать, он продолжал любить ее и в своих письмах к ней называл ее «своим желанием, своей наперстницей, своим идеалом и своей религией».

Да что там письма!

Он не мог прожить без нее ни одного дня и постоянно посылал ей всевозможные подарки: книги, гравюры, первые плоды, дичь.

Много времени он занимался с ее сыном Фридрихом.

1781 год был самым счастливым в их отношениях.

«Душа моя, – писал он Шарлотте 12 марта, – тесно связана с твоей. Не буду велеречивым, но ведь тебе известно, что я неразрывен с тобой.

Сколь бы высоко ты ни поднялась, сколь бы низко ни пала, ты увлечешь меня за собой».

Конечно, он хотел жениться на Шарлотте, чей ум «помогал ему творить, а ее теплота окружала его сладостной атмосферой».

Первого апреля он чувствовал себя до такой степени счастливым, что у него явилось желание подобно Поликрату, бросить в море свой перстень.

Как отвечала сама Шарлотта на такую страстную любовь, теперь уже не узнает никто, поскольку она отобрала все свои письма у Геете и сожгла их.

Высказывались предположения, что она была далеко не так щедра на нежные излияния, как сам поэт.

12 июля 1788 года Гете познакомился с молодой девушкой низшего происхождения, Христианой Вульпиус.

Она подошла к нему в веймарском парке и отдала письмо, в котором её брат просил известного человека помочь ему.

Так как писатель занимал важный пост при Государственном совете, он взялся за рассмотрение дела брата молоденькой особы и пообещал сделать всё возможное для её родственника.

Считают, что именно в тот день Кристиана щедро отблагодарила важного господина, став его любовницей.

Возможно, так оно и было, так как любовники отмечали 12 июля каждый год в течение всей жизни.

В последних числах июля 1788 года очень недовольная поведением Гете Шарлотта, даже не подозревавшая о его связи с Христианой, отправилась в свое поместье в Гохберг.

Она как будто чувствовала, что между ними все кончено и, и говорила о Гете с горечью.

Кристиана Вульпиус не слыла красавицей.

Она была невысокого роста, чуть полновата и несколько груба, но её свежий румянец, непослушные рыжие волосы и пышные формы делали девушку весьма привлекательной.

Новая знакомая понравилась Гёте, и он предложил ей поселиться в его роскошном доме на одной из известных улиц города.

«Дитя природы», «маленький эротикон», «сокровище в постели», как называл Гёте свою новую любовницу, была бедной крестьянской девушкой.

Она не умела писать, говорила с акцентом, была крайне эмоциональной и никогда не стеснялась в выражениях.

Ей было всего двадцать три года, но она уже познала жизнь в нищете, когда ей пришлось работать в крохотной душной мастерской при цветочной фабрике.

Несмотря на выпавшие на ее долю тяжкие испытания, девушка отличалась весёлым нравом.

Понятно, что известный на всю страну писатель не мог показываться с ней в свете и знакомить с друзьями.

Впрочем, Кристиану это не обижало. Во всяком случае, поначалу.

Она ушла с работы, всё свободное время уделяла дому, работала в саду и оставалась такой же беззаботной и жизнерадостной.

Вскоре весть о том, что Гёте живёт с необразованной простушкой, облетела весь Веймар.

Поклонницы не находили места от досады, друзья и знакомые недоумевали, бывшие подруги поэта сгорали от любопытства, желая посмотреть на крестьянку.

Шарлотта фон Штейн и вовсе посчитала себя оскорблённой.

Дамы из общества обрушили на писателя всё своё возмущение, наперебой доказывая, что Кристиана глупа, плохо воспитана и некрасива.

Они никак не могли понять, чем могла привлечь умного и привлекательного мужчину невзрачная Христина.

Однако оправдываться Гёте не пожелал.

Он один знал, какими необыкновенными качествами обладала его возлюбленная.

Она была наполнена добротой, оптимизмом и жизненными силами, то есть, всем тем, чего так не хватало самому писателю.

Как и все творческие личности, он был подвержен меланхолическим настроениям и сомнениям, и его постоянно преследовали всевозможные страхи.

Кристиана вносила в его жизнь радость и тепло. И именно с ней, как ни с кем другим, он чувствовал успокоение и гармонию.

Спустя год после их встречи у нее родился сын, однако и после этого Гёте не предложил ей стать его женой и дать ребёнку своё имя.

Он лишь решил крестить маленького Августа и в качестве крёстного отца пригласил своего давнего друга, герцога Веймаргского.

Мать ребёнка по просьбе писателя в церкви не появилась.

Рождение ребенка ничего не изменило в жизни любовников.

Кристиана не стала использовать своё положение.

И хотя теперь для неё были открыты все двери домов знатных особ, она пожелала и дальше вести такой же образ жизни, как и прежде.

В это время Шарлотта узнала о связи Гете с маленькой Вульпиус.

Ее негодованию не было границ.

С той минуты ее отношение к нему превратилось в настоящую пытку.

Жгучая обида на Гете и безграничное презрение к его сожительнице переполняли все ее существо.

В мае 1789 года она написала Гете страстное письмо, в котором сообщила, что продолжение их отношений возможно только в случае разрыва с Кристианой.

Гете ответил, что в подобных случаях трудно быть искренним и не дойти до оскорбления.

Он упрекал Шарлотту за то равнодушие, с каким она встретила его по возвращении из Италии, и за ее злословие.

В довольно решительных выражениях он сообщал, что не может переносит ту презрительную и исполненную неприязни манеру, с какой она к нему относилась.

«К сожалению, – писал он в конце письма, – ты чересчур долго пренебрегала моими советами насчет кофе и завела режим, в высшей степени вредный для твоего здоровья.

В настоящее время не только представляется уже затруднительным справиться с некоторыми нравственными впечатлениями, но ты еще увеличиваешь властность черных мыслей, терзающих тебя, употребляя физическое средство, вредное воздействие которого некоторое время ты признавала и которое бросила употреблять из любви во мн, на пользу твоего благосостояния».

Это письмо еще больше ожесточило Шарлотту, и она перестала отвечать на письма Гете, написанные в куда более миролюбивых тонах.

Тем не менее, ее имя Шарлотты часто встречается в письмах Гете того периода.

Но еще чаще попадает его имя в ее письмах, при этом оно, как правило, сопровождалось каким-нибудь не совсем благозвучным эпитетом.

Особенно если учесть, что к тому времени Гете еще более пополнел и выглядел несколько комически со своим двойным подбородком, трясущимся при ходьбе.

Каждый раз при встрече с ним она удивлялась возмужавшему его дородству и чувственному выражению.

Не нравились ей и его творения, которые, по ее мнению, становились все аморальнее.

В конце концов, она стала проявлять огромный интерес к нападкам соперника Гете Коцебу.

Шарлотта подписалась на его журнал, главной задачей которого было уничтожение репутации Гете.

Иногда общественные обязанности сводили их вместе, и тогда она не стеснялась в оскорблениях.

«Если бы только могла я, – писала она сыну, – вытравить его из моей памяти!»

Себя она при этом называла «женщиной, обманутой другом», а «Римские Элегии» вещью, не имеющей никакого поэтического вкуса.

«Очень мило, – отзывалась она о «Германе и Доротее», – что наряду с хозяйкой, стряпающей у печки, m-lle Вульпиус постоянно разрушает иллюзию».

После выхода в свет «Вильгельма Мейстера» она не замедлила дать своему сыну оценку и этого произведения.

«В этой книге, – сообщала она, – есть хорошие идеи, в особенности насчет политики, и начало прочувствовано.

Я не думала, чтобы Гете быть совершенным сыном этой страны. Впрочем, в этом сочинении все женщины поступают бесчестно.

Если он испытал какое-нибудь человеческое чувство, то непременно примешивал туда известную долю грязи, просто для того, чтобы человеческой натуре не приписать ничего небесного».

Желая публично заклеить неверного, она написала трагедию «Дидона», в которой вывела себя в образе Элиссы, а Гете в лице поэта Огона.

Вот только некоторые «комплименты» Шарлотты по адресу этого персонажа.

«Отчаянный фат и фанфарон, он объявляет, что идеал природы могь олицетвориться в единственном существе, а именно в нем или ему подобном.

Остальные люди – это лишь червяки, которых попирают ногами, не видя их.

Грубый и циничный, он признается, что некогда серьезно относился к невинности и добродетели».

Ну и, конечно, излюбленная ирония над ожирением Гете.

«Я из-за этого очень похудел, – говорит его герой. – А поглядите-ка теперь на мои челюсти, на мое круглое брюшко, на мои икры. С полней искренностью покаюсь вам: возвышенные чувства приходят от хорошего пищеварения!»

Само собой понятно и то, что он очень тщеславен, лицемерен и считает добродетелью только то, что ему удобно.

Любопытен и ответ Элиссы.

«Я, – говорит она, – некогда ошибалась на счет тебя, а теперь ясно вижу твои короткие курчавые волосы, твои прекрасные башмаки из козлиного рога, твои вилообразные ноги, словом, все, что пополняет в тебе сатира».

Огон отвечает словами Гете из его письма от 1 июня 1789 года: «Такой ложный взгляд вызван напитком, который я тебе уже отсоветывал».

Затем он предлагает ей утолять свою жажду соком земли, иными словами, водой.

– Я, – отвечает она, – не желаю верить в твои руки свою безопасность, так как твоя мораль находится в зависимости от твоего пищеварения.

Поэт снова отвечает ей фразой, заимствованной из письма Гете.

Ну и, конечно, он совершает гнусный поступок, покидая королеву и свою благодетельницу герцогиню Луизу, которую тщетно пытался соблазнить.

В конце концов, он переходит на сторону ее грубого поклонника, когда тот достигает власти.

Конечно, как и во всех пародиях, в «Дидоне» нельзя видеть правдиво изображенных лиц, и, тем не менее, многие узнали в Огоне Гете.

Брандес назвал эту пьесу «жалкой», однако Шиллер, связанный в то время с Гете тесной дружбой, восторгался ею.

Говоря откровенно, все эта перепалка вызывает недоумение.

Во всяком случае, со стороны Гете. Ведь то, что было простительно обиженной женщине, не позволительно гению.

Тем не менее, в 1796 году старые любовники снова сблизились.

Все дело было в том, что сын Шиллера, Карл, привел шестилетнего сына Гете к Шарлотте, которая обласкала ребенка.

После чего Гете попытался примириться с нею. Но та на сближение не шла. Возможно, только потому, что в те дни она заканчивала свою жалкую «Дидону».

В 1801 году серьезная болезнь Гете несколько смягчила раздражение Шарлотты, хотя и не успокоила ее окончательно.

«Третьего дня, – писала она в апреле сыну, – я сидела с госпожой Требра в старой беседке из розовых кустов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.